

Игорь Мерцалов

НЕСКОЛЬКО
ЖУТКИХ
ИСТОРИЙ

16+

Игорь Валерьевич Мерцалов

Несколько жутких историй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47450555

SelfPub; 2019

Аннотация

В пустой квартире девушка находит мокрый след босой ноги...Зеркало отражает предмет, которого нет в комнате... Конспиролог-любитель, никогда не снимающий кашне или шейного платка, уверен, что раскрыл заговор пришельцев, живущих среди людей...Рассказы сборника вдохновлены главным образом «городскими легендами». Зловеще-тревожные фантазии придутся по вкусу многим ценителям литературы сверхъестественного ужаса.

Капли

Лена вернулась домой поздним осенним вечером. Закрыв за собой дверь, она включила свет. Пустая квартира встретила Лену глухой тишиной. Пальцами, заледеневшими на сыром ветру, она с трудом расстегнула пуговицы плаща. Мокрый плащ с тяжёлым звуком упал на пол. Лена не стала его поднимать. По её лицу стекали капли дождевой воды вперемешку со слезами.

Первым делом Лена направилась в ванную и стала мыть лицо. Она смывала броский вечерний макияж, смывала слёзы. А старалась – смыть омерзение этого вечера.

Потом она курила на кухне, ожидая, когда закипит чайник, чтобы напиться растворимого кофе. Не то, чтобы она слишком любила растворимый кофе, но возиться с зёрнами ей всегда было лень, а пить какой-нибудь обыденный чай казалось неподходящим для красивой девушки.

Лена только что насмерть поссорилась со своим парнем. Сердце рвалось от переживаний, и звук капающей воды не сразу привлёк её внимание. Однако с каждой минутой он становился всё более назойливым.

Лена не выдержала и отправилась в ванную. К её удивлению, кран оказался плотно закрыт. Выйдя в коридор, она удивилась, обнаружив, что не может определить, откуда исходит звук. Но её отвлék свист закипевшего чайника.

Сидя у батареи с кофе и сигаретой, Лена снова окунулась

в грустные мысли. Боль ссоры оказалась неожиданно сильной. Она и не догадывалась, как успела привязаться к Алексею за полгода дружбы. В какую-то минуту Лена стала думать, что ссора не стоит выеденного яйца. Просто размолвка, она погорячилась. Ничего страшного, но, конечно, нужно выдержать характер, чтобы Лёшка понял, как по-свински вёл себя, чтобы испугался, что потеряет свою Ленусю... Да-да, только выдержать характер, а потом простить его – всё так и будет, говорила себе Лена. Но почему-то никак не могла сама себе поверить. Быть может, из-за ритмичного звука капающей воды...

Вроде бы только что незаметный, звук этот вторгался в мысли, рубил их на лишённые смысла куски.

Не выдержав, Лена обошла квартиру, заглядывая под каждую батарею. Везде было сухо. Только мокрый плащ по-прежнему лежал у порога. Под ним собралась лужа, но капать воде здесь было неоткуда. Лена подошла к окну в комнате и открыла форточку. На улице шелестел осенний дождь, стылый воздух потёк в комнату. Но рама и подоконник были сухими. Может, у соседей что-то подтекает, и вода капает в стенах?

Звонок телефона, оглушительный в пустой квартире, заставил её вздрогнуть. Звонила Таня – сестра Алексея. Она была хорошей девушкой, Лена с ней подружилась, но именно сейчас не хотела её слышать. Потому что не хотела ничего объяснять. Ведь сама себе она всё уже объяснила, оставалось

только поверить в собственную версию. Но подспудно Лена сознавала, что если начнёт высказывать её словами, выдумка рассыплется на куски, и станет неотвратимо ясно, что между ней и Алексеем произошла не просто размолвка...

Так и случилось. Таня сказала, что Алексей вернулся домой не просто расстроенный, а злой. Накричал на домашних, но было видно, что ему больно. Лена не могла прямо ответить, что сама поставила парня в неловкое положение, потому что захотела испытать его чувства, и начала лгать Тане. Она кричала в трубку, что Алексей вёл себя ужасно, что с ней нельзя так поступать, что она не вещь, а он ей не хозяин... Вероятно, Таня почувствовала фальшь. Она не стала выспрашивать подробности, а поспешила свернуть разговор, сказав, что перезвонит позже.

В трубке раздались противные гудки. Лена осталась в пустой съёмной квартире наедине со своей ложью... и со звуком неизвестно где капающей воды. Это было невыносимо. Проклятый звук раздражал, причиняя почти физические страдания, словно с каждой каплей в мозг вбивали по маленькому гвоздику. Лена решила включить музыку, чтобы заглушить его, но вместо этого снова обошла квартиру. Она внимательно осматривала стены. Подтёков нигде не нашла, но в какой-то момент наступила босой ногой на мокрое. На полу в коридоре поблёскивали капли воды. Они тянулись дорожкой к закрытой ванной.

Лена медленно подошла к двери и взялась за ручку. По-

чему-то ей стало до одури страшно. Сердце ухало, словно кузнечный молот. Наконец, собравшись с духом, она рванула дверь на себя. В ванной комнате всё было по-прежнему, но та же дорожка капель блестела на кафельном полу. Лена ясно помнила, что не могла оставить влажных следов. Мокрую одежду она сняла у порога, а умывшись, вытерлась полотенцем. На всякий случай она всё же провела по полотенцу тыльной стороной ладони. Оно было мокрым. Как же могла появиться вода на полу?

Ненавистный звук раздавался словно бы со всех сторон сразу. Нетвёрдой походкой Лена пошла вдоль дорожки капель, которая вела через коридор в комнату. На ковре она увидела мокрый отпечаток босой ноги. Лена огляделась. В комнате не было ничего, кроме кровати с выдвигаемыми ящиками, письменного стола с ноутбуком, полка с книгами да тумбочки со старым телевизором. Решительно негде спрятаться, и всё же Лена была уверена, что она не одна. Она поставила свою ногу рядом с отпечатком. Ступня, оставившая след, была значительно больше.

Лена дрожала. Ей хотелось бежать, но она не могла заставить себя шевельнуться. Почему-то казалось, что если просто постоять, не двигаясь, почти не дыша, всё страшное и непонятное пройдёт само собой. Незнакомец, неведомо как оставивший единственный мокрый след на ковре, испарится, исчезнет. Или хотя бы, устав ждать, покажется...

И она стояла, не двигаясь, почти не дыша. Стояла несколь-

ко минут, показавшихся ей часами. Стояла, терпеливо снося глухой стук капель воды, раздававшийся то издалека, то прямо за спиной.

Она едва не закричала, когда вновь зазвонил телефон. Лена и не заметил, что до сих пор держала трубку в руке, стискивая так, что побелели костяшки пальцев. Она огляделась и, никого не увидев, прижалась спиной к стене. Только тогда она ответила на звонок, хрипло прошептав в трубку: «Алло».

Голос Тани ударил по ушам. Подруга была в ужасе и долго не могла выговорить что-то внятное. Лена хотела сказать ей что-нибудь вроде: «Успокойся, говори по порядку», – но боялась повысить голос, словно это могло разбудить и вызвать того, кто оставил мокрый след на ковре.

А Таня на том конце провода наконец смогла выговорить страшные слова. Оказывается, Алексей, вернувшись домой, заперся в ванной, не выходил и не отвечал на вопросы. Устав кричать через дверь, отец выломал её и увидел... что Алексей, одетый, лежит в ванне, с головой уйдя под воду. Покончил ли он с собой, или трагедия произошла по нелепой случайности, но Алексей мёртв. «Ты слышишь меня? – плакала Таня. – Он мёртв! Он мёртв! Он мёртв!»

Но Лена уже не слышала её. Лена стояла, прижавшись спиной к холодной стене, дрожала всем телом, сжимая в опущенной руке трубку телефона, и слышала только леденящий душу звук капающей воды. Быть может, ей только казалось, но капли стучали всё чаще... Звук становился всё громче...

всё ближе...

Ночной звук

Ночью все звуки громче. Алексей работал в зале, и постукивание клавиатуры, тихое, днём почти совсем неслышное, украдкой пробиралось в мозг. Как будто по мозжечку кошачьей лапкой: тюк, тюк-тюк...

Роман Сидни Шелдона был интересным, но неумолчное тюканье не давало вчитаться. Лида со вздохом отложила книгу в мягком переплёте, сбросила одеяло и опустила ноги на холодный пол. Нашарила пальцами ног пушистые тапки, привычно провела по ним пяткой, позволяя шерстинкам пощекотать кожу. Только потом встала, зябко ёжась, набросила на плечи вязаную кофту и вышла из спальни.

В конце короткого коридора слабо светилась щель между полом и дверью зала. Лида, морщась от того, как громко шаркают подошвы, подошла к двери распахнула её.

Зал тонул во мраке. Настольная лампа освещала лишь один его конец. Фигура Алексея темнела на фоне монитора.

–Ты скоро?

Он повернулся. На его лице она разглядела виноватую улыбку.

–Извини, рыбка, нужно ещё поработать. Ты ложись, спи.

Он с хрустом потянулся, раскинув руки, и накинул на голову капюшон спортивной куртки.

–Придётся спать, – вздохнула Лида.

Она вернулась в спальню и забралась под одеяло. Обиды не было. Нет, конечно. Она прекрасно знала, чего стоила им эта ипотечная квартира. Всё ещё полупустая и, как показала осень, до ужаса холодная... Но всё-таки своя. Лида и сама сейчас искала подработку. Нет, она не собиралась обижаться.

Но... расстроиться-то она имеет право, верно?

Безуспешно пытаюсь согреться под толстым одеялом, Лида свернулась клубком. Ох, ну почему же так-то холодно?

Сон не шёл. Во всяком случае, Лида была уверена, что ни на минуту не сомкнула глаз. Внезапно раздался резкий щелчок выключателя, и спальня погрузилась в темноту. Лида вздрогнула, но тут же сообразила, что дремота всё-таки сковала её. Алексей уже закончил работу, выключил свет, шуршит во мраке одеждой...

Вот матрас заходил ходуном – муж устраивался под одеялом у неё за спиной. Лида хотела повернуться к нему, но неожиданно горячая рука Алексея легла ей на плечо, удержала. Он прижался к её спине и замер. Стало тепло, даже горячо как-то – от неожиданности.

Лида вновь завозилась, чтобы повернуться к нему лицом, и вновь рука на плече удержала её.

– Да что с тобой? – спросила Лида.

Он не ответил, только тяжело вздохнул.

– Что, сил на жену уже не осталось?

Ответа опять не последовало, но горячие пальцы мягко

погладили её плечо.

Лида замерла, чувствуя затылком его дыхание. Уютное оцепенение охватило её. Однако минуты шли, и неподвижность Алексея начала беспокоить. Его пальцы замерли, слегка сжимая её плечо. И ничего, кроме этих пальцев, не напоминало, что муж лежит рядом.

В третий раз Лида хотела повернуться. словно предупреждая её желание, пальцы сжались. Пожалуй, это было даже немного больно. Но Лида ничего не сказала. Она обнаружила, что ей лень не только шевелиться, но и ворочать языком.

Что ж, значит, остаётся только спать... Перед глазами уже мелькали какие-то картинки. Они были сероватыми, словно выцвели. Кажется, это не были дневные впечатления. Что-то причудливое, фантастическое вставало перед взором. Было интересно и чуточку тревожно.

И ещё был звук. Он никак не вязался со зрительными образами. Лида напряглась...

И вдруг её сердце кувыркнулось в груди. Она сообразила, что этот звук был намного раньше, чем выцветшие видения возникли в усталом мозгу. Знакомый звук... Точно кошачьей лапкой по мозжечку: тюк, тюк-тюк...

Сон слетел, будто его ветром сорвало. Судорожно вздохнув, Лида распахнула глаза. Слабый свет уличных фонарей, пробивавшийся сквозь щель в шторах, позволял разглядеть лишь смутные очертания платяного шкафа и прикроватной тумбочки.

Стук клавиш не прекращался – ясный, отчётливый, он был, пожалуй, единственным звуком в ночи. Ах нет, ещё было дрожащее дыхание самой Лиды.

Того, кто лежал у неё за спиной, не было слышно. Как ни напрягала она слух, ни малейшего намёка на звук не доносилось из-за плеча.

Да полно, там никого нет! Лида едва не рассмеялась, сообразив, что появление Алексея попросту приснилось ей. И его странное поведение, и то, как она начала засыпать – это уже был сон. А его пальцы на плече? Нет их!

От долгого лежания в одной позе тело несколько утратило чувствительность. На плече не ощущалось никаких пальцев. А если что-то и было, так это, конечно, воображаемое ощущение. Сознание Лиды только что нафантазировало Алексея рядом, вот тело и откликается на фантазии...

Тюк-тюк, тюк, тюк-тюк-тюк...

«Давай, – сказала себе Лида. – Чего ты ждёшь? Пока не заснула и не увидела опять страшный сон, повернись. Убедись, постель рядом с тобой пуста... Ведь всё так ясно, так до смешного просто...»

Но Лида не засмеялась. Ей было страшно. Так страшно, как никогда в жизни.

Тюк-тюк-тюк... тюк-тюк...

Вместо того, чтобы повернуться, она ухватилась за край постели и стала медленно подтягивать одну ногу к животу, а вторую распрямила. Хоть тело и утратило чувствительность

от долгого лежания в одной позе, Лида всей кожей ощутила, как шевелится одеяло. Только на плече, так, где она вообразила себе пальцы Алексея, кожа не чувствовала ничего.

«Конечно! Там же ничего нет, – внушала себе Лида. – Не может быть. Ничего... Никого...»

Она не спрыгнула с постели – скорее, выбросила себя из-под одеяла, как камень из катапульты. Вырвалась из тёплой, пропитанной страхом тьмы в другую тьму, холодную и тоже пропитанную страхом: в тускло подсвеченную уличными фонарями спальню.

Теперь уже нельзя было успокоиться самовнушением. Слишком отчётливо она почувствовала, как чья-то рука безвольно соскальзывает с плеча. Лида схватилась за дверную ручку.

Тело вибрировало от ужаса и требовало бежать не оглядываясь. Инстинкт, оставшийся от первобытных времён. Не рассуждай, беги – и передай в наследство другим поколениям тот же властный приказ инстинктов. Опасность – беги! Страх – беги!

Однако с первобытных времён что-то успело измениться. Притупиться, ослабнуть. Не слыша позади ни звука, Лида, уже вцепившись в дверную ручку, замерла. И медленно обернулась.

Она должна знать...

Разворошённая постель, подушка с вмятиной от её головы. Груда одеяла. На подушке что-то лежит. Что-то, торча-

щее из-под одеяла. Лида была уверена, что это рука. Но уверенность быстро испарилась. Было слишком темно. Глаз хватывал только резко очерченные контуры. Остался в постели кто-то или нет – не разобрать.

«Включи свет, – сказала себе Лида. – Дура, просто включи свет. Всё станет ясно».

Вместо этого она мягко, чтобы не кляцнуло в замке, повернула ручку и выскользнула из спальни. Слишком страшно.

Пол коридора всё так же был подсвечен полоской из-под двери зала. Отчётливо слышался торопливый стук клавиатуры. На губах Лиды заиграла невольная улыбка. Так Алексей печатает, когда всё в голове сложилось. Дело движется к концу, и он торопится закончить. Лида пересекла коридор и тихо нажала на ручку зальной двери.

Сейчас перестанет быть страшно. Сейчас Алексей успокоит её, скажет, что она глупенькая, спросонья навдумывала себе ужасов. И это будет правдой, потому что, в самом деле, не может быть так, чтобы кто-то неслышно прошёл в их квартиру, лёг вместо Алексея в постель и просто лежал...

В зале царил всё тот же холодный сумрак, наполненный стуком клавиш. Фигура Алексея так же чётко рисовалась на фоне монитора. Всхлипнув от облегчения, Лида подбежала к нему и схватила за плечо.

И замерла.

Было так, словно её пальцы легли на статую. Алексей был

неподвижен и твёрд, как гранит. Или, скорее, как лёд. Точно весь холод мира исходил именно от него. И спортивная куртка с капюшоном скользила по нему, точно была брошена на ледяную поверхность.

Лида не знала, сколько времени простояла, чувствуя, как стынут пальцы, и не решаясь даже закричать, хотя слепой крик ужаса так и рвался из груди. Может быть, прошло не больше трёх секунд.

А потом тот, кто сидел на месте Алексея, повернулся.

Лучше бы он этого не делал. Лучше бы Лида всю ночь простояла, обмирая от страха и холода.

Из-под капюшона на неё глянула синевато-белая личина, отдалённо похожая на лицо Алексея. Но даже не это окончательно сломило Лиду и заставило её с воем метаться по квартире, натываясь на мебель и не находя выхода.

Почему-то самым отвратительным для её потрясённого сознания стало то, что тот сводящий с ума звук, с которого всё началось, оказался вовсе не стуком клавиш.

Это стучали мерзко, как от озноба, пляшущие зубы существа.

Расчёска

На улице ещё стояла тьма. Свет люстры в спальне с большой кроватью казался слишком ярким и холодным.

Фирс подошёл к окну, отыскал взглядом свою машину и нажал кнопку на брелоке. Убедившись, что мотор включился

и начал прогреваться, он вернулся к трельяжу. Трельяж, как и вся обстановка, был золочёным, вычурным, словно мечтал, что когда-нибудь его блеск и красоту оценят и увезут его в Версаль.

Фирс пригладил редующие волосы расчёской и стал надевать хрустящую от свежести рубашку.

– Позволь кое-что сказать тебе, котёнок, – начал он. – Я уже давно в этом бизнесе. Ты ещё ходила в пятый класс, когда я продал свою первую квартиру. Я продавал все виды недвижимости, какие только существуют. Загаженные квартиры, выкупленные за долги. Ветхие избёнки на окраине, в которых выросли, самое меньшее, по пять поколений. Я спекулировал с жилплощадью в новостройках. Хотя там трудно протиснуться к кормушке, и вообще, всё слишком ненадёжно, так что я не стал переходить дорогу важным людям. Урвал кусок по случаю и мирно воцарился на рынке вторичного жилья. Знаешь, как говорят? – спросил он и обернулся, застёгивая манжету. – Лучше быть первым парнем на селе, чем лохом в городе. Слышала такую поговорку?

– Да, Коля... – кивнула Марина.

Она сидела в халатике на голое тело на только что заправленной постели и смотрела, как муж собирается на работу. Про себя она называла его только Фирсом. И почему-то, даже спустя полтора года, не могла привыкнуть, что сама носит ту же фамилию.

– Так вот, – вновь поворачиваясь к зеркалу, продолжил

Фирс. – Через мои руки прошли десятки квартир. В этих квартирах творились разное. Я и сам многого не знаю, но могу назвать, по меньшей мере, два адреса, на которых происходили убийства – это только в последние десять лет. В одной погиб от удара током парень, который собирался жениться через несколько дней. Могу припомнить библиотекаршу чуть за сорок лет, умершую от рака. Разнорабочего, который умер в больнице от ожогов. Он обварился кипятком, когда был дома один, и некому было вовремя вызвать «скорую». Ещё в одной квартире девчонка вскрыла себе вены, не знаю почему, вроде бы её затравили в «Контакте». И не счесть, сколько в моих квартирах скончалось стариков. Полагаю, по естественным причинам. По крайней мере, мне не доводилось слышать о чём-то ином. Но, знаешь, смерть есть смерть...

Марина слушала, стараясь не подать вида, что держится из последних сил, чтобы не закричать: «Хватит, хватит!»

–И вот что я скажу тебе, котёнок... – Кося взглядом на отражение молодой жены, Фирс набросил на шею галстук и стал сооружать замысловатый узел. – То, о чём люди не знают, не беспокоит их. Единственный известный мне случай полтергейста в этом городе был связан с психически больной женщиной. Кстати, именно ту квартиру я на продажу так и не выставил. Родственники решили оставить её себе. И, между прочим, после того, как упекли дуру в соответствующее заведение, продолжают спокойно жить на якобы «проклятых»

метрах.

Фирс достал из украшенного хитрой резьбой платяного шкафа пиджак, ловким движением набросил на плечи. Бережно закрыл дверцы шкафа, проверил бумажник, положил во внутренний карман айфон.

После этого подошёл к Марине и протянул руки. Она набросила на лицо улыбку, встала и поцеловала мужа. Его руки на миг сжали её бёдра, скользнули по талии, приподнимая полы шёлкового халатика.

–Какой же вывод? – спросил Фирс, не отпуская её и глядя прямо в глаза. – Вывод прост. Привидения водятся не в домах. Они водятся в головах. Понимаешь меня?

Он провёл рукой по её рыжим волосам.

–Да, – кивнула Марина.

–Отлично. Ну, я пошёл.

Марина сунула ноги в тапки и проводила его в переднюю. Называть это помещение прихожей у неё язык не поворачивался. Ей, выросшей в типовой «хрущёвке», казалось, что здесь можно натягивать сетку и проводить отборочные этапы Уимблдонского турнира.

Фирс обулся, принял из рук Марины зимнее пальто, проверил, на месте ли пачка «Парламента». Снял с вешалки шапку. Всё это время он говорил:

–Я допускаю, что тебе может не нравиться эта квартира. Честно сказать, я тоже от неё не в восторге. Но ты должна понимать: это не жильё, это – капиталовложение. Я готовлю

большую сделку. Ради неё распродаю активы, заложил коттедж. Так что сейчас нам больше некуда деться. А эту квартиру я приобрёл как страховку. Если сделка сорвётся, квартира позволит мне всё начать сначала, и ты, обещаю, даже не заметишь, что наше финансовое положение пошатнулось. Зато в случае выигрыша уже после Нового года мы сможем купить пентхауз на Монмартре. Понимаешь теперь, как важна эта сделка?

– Да, – кивнула Марина.

– И понимаешь, чего я жду от тебя?

– Поддержки.

– Именно. Я могу на неё рассчитывать?

– Да, дорогой, – кивнула Марина.

Его пронзительный взгляд, возможно, и высветил смятение, загнанное на дно души, но Фирс не стал продолжать тяжёлый разговор. Улыбнулся, поцеловал Марину в лоб, сказал, что любит, и вышел за дверь.

Марина несколько минут стояла, обхватив плечи руками. Маска спокойствия, натянутая ради Фирса, сползала с лица. Губы тряслись, когда она вернулась в спальню.

«Возьми себя в руки! В конце концов, ничего плохого не произошло, так? Ты выдержала это дважды, значит, выдержишь и дальше».

Мышцы в конечностях словно горели от волнения. Она несколько раз глубоко вздохнула и шагнула к трельяжу. Встала сбоку от него, слева.

В трёх зеркалах отражалась спальня, переливавшаяся всеми оттенками золота. Искры горели на столбиках кровати, на кистях подушек, небрежно разбросанных по оттоманке, на рисунке ковра, на витых бра.

И на гранях бесчисленных флаконов с парфюмом и косметических наборов, расставленных на трельяже.

Склянка с духами «Кристиан Диор» и строгий графинчик одеколона «Серж Лютьен» мешали полностью закрыть створки. Марина с удовольствием захлопнула бы их, не глядя на осколки, но не могла себе этого позволить. Фирс очень бережно относился к своему капиталовложению, старался жить в нём так, чтобы не оставить следов. Малейшая царапина на мебели, тем более, скол на зеркале принесли бы убытки. А это грозило Марине серьёзными проблемами.

Правда, то, чего она боялась, вероятно, тоже грозило проблемами. Неопределёнными, но... проверять, хуже ли это рассерженного Фирса, она не собиралась. Марина протянула руку к левой створке и аккуратно прикрыла её, насколько позволял флакон «Диора».

О том, чтобы снять парфюм с полки, она и не думала. Для этого пришлось бы поднести руку близко к зеркалу.

Марина обошла трельяж и взялась за правую створку.

И вздрогнула.

На столике в строгом порядке выстроились инкрустированная шкатулка с украшениями, три расчёски, фирменная баночка с салфетками. Всё – оттенков золота и слоновой ко-

сти. Чёрная массажная расчёска, небрежно брошенная на середине столешницы, выглядела словно клякса. Были отчётливо видны застрявшие между зубцов чёрные волосы – длинные, толстые, блестящие.

Ничто, кроме самой Марины, не двигалось – ни по эту сторону, ни в «зазеркалье». Чёрная «массажка» появилась ниоткуда. Просто вдруг стала заметна...

Марина судорожно сглотнула. Все предметы двоились и троились в отражениях трельяжа. Кроме чёрной расчёски. Она была только там, в «зазеркалье». По эту сторону зеркала её не было. Да и быть не могло.

Страх окатил её горячей волной, отнимая волю. Пересиливая себя, Марина медленно потянула правую створку трельяжа. Качнулось и заскользило отражение спальни. Плавно, сантиметр за сантиметром, Марина прикрыла створку, насколько позволял фирсов «Серж Лютьен».

До последней секунды она боялась, что в отражении промелькнёт женская фигура с длинными, чёрными как смоль, волосами. По эту сторону зеркала в спальне не было ничего, кроме Марины, но по ту сторону – могло быть всё, что угодно...

Ничего не случилось. Марина отступила от трельяжа. Между створками оставался зазор шире ладони, сквозь него было видно узкую полоску отражения. Если стоять вплотную, чёрную расчёску видно. Но всего шаг назад – и она выпадает из поля зрения.

А то, чего человек не видит, не должно его волновать... Наверное, именно так сказал бы Фирс.

Не поворачиваясь к трельяжу спиной, Марина открыла комод, взяла нижнее бельё и колготы. Из шкафа достала одежду и сумочку. Сгребла всё в охапку и метнулась из спальни.

В передней скинула халатик и стала быстро облачаться дрожащими руками. При этом старалась не упускать из виду зеркала на дверце шкафа. До сих пор расчёска отражалась только в трельяже, но ни одному зеркалу в квартире Марина доверять не собиралась. Чутьё подсказывало ей, что женщина с чёрными волосами (и сама – непременно во всём чёрном, с белой кожей и алыми губами), которой принадлежала «массажка», может возникнуть в любой момент, где угодно.

И если Марина увидит её у себя за спиной, то... наверное, умрёт от страха.

В мыслях царила звенящая пустота, наполненная единственным желанием – бежать отсюда как можно дальше. Но по мере того, как одежда облегала тело, в сердце всё сильнее разгорался огонёк надежды, что она улизнёт и на этот раз.

Всё будет, как вчера и позавчера.

...Лиля, привет! Не занята? Да вот хочу сходить по магазинам, не составишь компанию?

Алло, Сонечка! Я в салоне красоты, а ты где? Да, не сидится дома.

Знаете, девочки, это ведь не жильё, это – капиталовло-

жение. Там коврик не передвинешь без того, чтобы снизить его стоимость...

Скучно.

Хочу развлекаться!

Фитнес-клуб, спа-салон, шопинг, а давайте просто покажемся, а где сегодня потусуемся? Вечером – обратно, подгадать к приезду Фирса и изобразить счастье. Похвастать покупками, накормить его чем-нибудь заказанным в ресторане (извини, собиралась приготовить, но не успела...)

При Фирсе тут всё спокойно. Только не отлипать от него весь вечер, потом и ночью. Быть послушной, если надо – неслышной, но всегда внимательно слушающей. Всё, что угодно, лишь бы он не сказал: «Дай мне побыть одному».

Одна она не станет тут бродить. В проклятой квартире слишком много зеркал...

Можно так дотянуть до Нового года? Фирс обещал, что после всё кончится. Они сменят квартиру. Прекрасно. Марина не станет требовать Монмартра. Ей не нужен Монмартр. Пусть будет хоть «хрущёвка», лишь бы дальше километра от *этого дома*...

Марина на ощупь поправила на себе одежду. Провела рукой по волосам. Господи, ну хоть причесаться... Она запустила руку в сумочку и достала складное зеркальце. Зеркальце она купила ещё до переезда в это золочёное капиталовложение. Наверное, ему можно доверять. Два дня назад она об этом не подумала. Пришлось первым делом идти в салон

красоты, чтобы вежливые и ловкие девушки привели её в божеский вид...

Открыв зеркальце и расчёску, Марина взялась за дело. Управиться быстро не удалось: волосы, как назло, спутались, а руки дрожали. Стена с пейзажем в резной раме и угол шкафа плясали в отражении вместе с её лицом.

А вдруг там, за узкой полоской видимости, в отражении уже притаилась *она*?

Не удержавшись, Марина слегка повернула зеркальце влево, вправо... Ничего. Но всколыхнувшийся в душе ужас не отпускал.

Тут её осенило: навести марафет можно в машине, при помощи зеркала заднего вида. Господи, ну что за дура, почему она сразу об этом не подумала? Марина поспешно бросила в сумочку зеркальце с расчёской, рывком распахнула дверцу шкафа, чтобы зеркало на ней оказалось повернуто к входной двери, обулась. Потянулась за шубкой...

И замерла, сообразив, что забыла взять телефон.

Плохо. За телефоном придётся вернуться в спальню.

«Ни за что! Куплю новый...»

Нет, плохая идея. Фирс не сможет дозвониться до неё. А она – ни до кого, потому что не помнит ни одного номера, кроме своего собственного.

«Ладно, вернись и забери его, – сказал себе Марина. – В конце концов, снова увидишь ту проклятую расчёску... Ты уже не раз её видела, и ничего с тобой не случилось. Давай,

смелее!»

Стуча каблуками по паркету, она покинула переднюю, миновала коридор. Взялась за руку двери в спальню. Только сейчас сообразила, что забыла выключить там свет.

Хотя что уж там, она и теперь его не выключит. Не собиралась она оставаться в тёмной спальне даже на секунду, которая потребует, чтобы дойти от выключателя до порога.

Замок межкомнатной двери клацнул. Марина толкнула дверь, заглянула в спальню. И обмерла. Ноги ослабели, сердце заколотилось, как после изнурительной пробежки.

Створки трельяжа были распахнуты. Марина перевела взгляд на прикроватную тумбочку со своей стороны постели. Вот и телефон, с вечера стоит на зарядке.

«Я не войду туда...»

Но... что потом говорить Фирсу? Он непременно позвонит ей за день два-три раза.

«Давай, котёнок! – мысленно она попыталась придать своему голосу спокойные фирсовы интонации. – Ты просто не закрывала трельяж на самом деле. Думала об этом, представляла, как это сделаешь, но не сделала. Тебе было слишком страшно приближаться к нему. Давай, возьми телефон и отправляйся веселиться...»

Марина шагнула в комнату. Каблуки зарылись в толстый ворс ковра. Идти по нему в сапогах было неудобно. Тем более, она смотрела не перед собой, а в зеркала трельяжа.

Шаг, второй... А ведь чёрной расчёски по ту сторону зер-

кал больше нет! Марина вздохнула с облегчением и сделала третий шаг...

Но точно на стену налетела. Встала, как вкопанная. Не закричала, наверное, только потому, что дыхание перехватило судорогой животного ужаса.

Она стояла посреди спальни. Рядом с кроватью, спиной к Марине. Лица не видно, но всё остальное – как и представлялось: чёрное платье, белая кожа открытых рук... Высокий рост – да, Марина воображала эту женщину именно высокой.

«Это галлюцинация, – зазвучал в голове спокойный голос Фирса. – Ты видишь отражение своего страха. Вспомни, где водятся привидения...»

Чтобы взять телефон, нужно было пройти совсем рядом с тем местом, где *она* стояла в отражении комнаты.

Марина, задерживая дыхание, стала переставлять ногу, чтобы выйти из спальни, пятясь. Лучше уж она никуда не пойдёт, проведёт день в других комнатах, а *эта* пускай остаётся здесь...

Нет, не лучше. Во-первых, Фирс позвонит, и всё равно придётся войти сюда и взять телефон.

«Но, может, *её* уже не будет здесь?»

Возможно. Но где *она* будет? В зеркалах гостиной? В зеркале прихожей? Я с ума сойду за день. Надо взять телефон и бежать. Просто подойти и взять. Пусть в отражении *она* есть – но по эту сторону зеркала пусто. Подойти и взять...

«Да к чёрту Фирса! Пусть хоть сумасшедшей назовёт,

пусть хоть бросит, лишь бы убежать от этого страха!»

Шаг назад...

Чёрная женщина в отражении медленно расчёсывала свои блестящие волосы, волнами ниспадавшие на белые плечи. Той самой копеечной «массажкой». Она не поворачивалась.

А что, если заговорить с ней?

«Если *она* обернётся на твой голос, ты точно сойдёшь с ума. Хватай телефон и беги...»

Ещё шаг назад.

Рука чёрной женщины с расчёской замерла. Марина тоже замерла. Лишний раз скользнула глазами по тому месту, где *она* могла бы стоять по эту сторону реальности, и больше уже не отрывала взгляда от отражения.

Черная женщина стала медленно поворачиваться...

Своего помощника Фомина Фирс ценил за многое, но в первую очередь – за аккуратность и готовность всё делать самому. То есть за те качества, которые и в себе считал главными.

–Что-то вы сегодня сам не свой, Николай Иванович, – заметил он, останавливая свою издававшую виды «ниву» на перекрёстке.

–С чего ты взял? – пожал плечами Фирс, но вдруг сознался: – Разве что... За жену беспокоюсь. Ей нечем заняться... Особенно в новой квартире.

На светофоре загорелся зелёный. Фомин тронул с места, бросив на босса быстрый взгляд.

–Если решите, что я сую нос не в своё дело, не стесняйтесь, так и говорите, я не обижусь. Только не стоило вам брать в жёны девчонку настолько моложе себя...

Фирс рассмеялся.

–Дружище, ты молод, и твои суждения незрелы. Подрастёшь – поймёшь. Жена должна быть украшением мужа. Значит, чем моложе, тем лучше. Жена должна точно знать, что муж умнее. Ещё одна причина останавливать выбор на молодой.

Он повернул голову вправо, наблюдая, как пролетают мимо заснеженные газоны, прохожие с поднятыми воротниками, серые стены домов с белыми бровками козырьков.

–Первые привязанности вроде школьной любви нужно оставлять в прошлом, – прибавил он. – Наши милые одноклассницы уверены, что раньше взрослеют. Воображают, будто это даёт им какое-то преимущество над мужьями... И если ты об этом думаешь, да, примерно так и случилось с моей первой женой.

–Вам, должно быть, неприятно об этом говорить? – предположил Фомин, ловко уходя от едва не подрезавшего их джипа.

–Крайне неприятно, – согласился Фирс. – Но я хочу, чтобы ты понял. Дело не в какой-то там скандальной тяге зрелых мужчин к молоденьким красоткам... Хотя посмотрел бы я на того, кого не привлекают молоденькие красотки, ха! Но секс – это секс, а жизнь – это жизнь. – Он обернулся к Фо-

мину. – Запомни, Лёша: все женщины – наследницы матриархата. Они спинным мозгом помнят, как были богинями, и мечтают отомстить мужчинам за все последние века. Власть над мужчиной – вот что им нужно на самом деле... Я не позволил Лерке взять надо мной верх. И это скверно кончилось.

Глядя на босса, Фомин подумал: «Он как солнце – столько излучает уверенности в своей правоте...» Сам Фомин своей супругой – не одноклассницей, правда, но почти ровесницей – был более чем доволен. «А если что-нибудь и случится, – думал он, – что-нибудь скверное... Надеюсь, я не стану обобщать свою личную неудачу и делать из неё философские выводы...»

–Вы расстались? – уточнил Фомин.

–Расстались, – подтвердил Фирс. – В последний момент перед тем, как она пустила бы мою жизнь под откос.

–Что с ней теперь?

Фирс пожал плечами.

–Не знаю. И знать не желаю.

Фомин свернул на подъездную, ведущую во дворик-колодец, зажатый со всех сторон блочными пятиэтажками, припарковался у нужного подъезда. Взялся за мобильник.

Фирс вышел из салона и закурил. Вынул айфон и набрал номер Марины. Номер не отвечал. Фирс нахмурился. Он уже пытался позвонить четверть часа назад – с тем же результатом...

–Клиент будет через двадцать минут, Николай Ивано-

вич! – сообщил Фомин, закрывая свою трудягу «ниву».

Фирс выпустил облако дыма и щелчком отправил окурочок в урну, прикованную цепью к скамейке.

–Идём...

Они уже осматривали эту квартиру, но оба исповедовали принцип: проверка лишней не бывает. Фомин, пользуясь тем, что на нём были джинсы и простой свитер, с фонариком проверил все трубы, заглянул под раковины, даже воду в унитаза спустил, проверяя, не капнет ли где.

Выбираясь из-под ванны, Фомин увидел кое-что странное. Фирс, стоя перед зеркалом, бессмысленно таращился в нижнюю часть отражения и водил рукой над полкой, словно пытался что-то взять с неё.

–Николай Иванович?

Фирс вздрогнул, отшатнулся и стиснул виски пальцами. На его лице застыло выражение муки. Фомин поспешно поднялся с колен.

–Что с вами?

–Н-ничего. Просто голова разболелась. – Фирс взял себя в руки. – Скажи, из каких соображений ты оставил зеркало?

–Для эмоционального воздействия. Намёк на то, как тут всё может выглядеть. Совершенно пустая квартира, согласись, угнетает. Ну, и жалко стало... Новьё же!

–Про эмоциональное воздействие – сам придумал, или вычитал где?

–Скажем так, придумал на основе вычитанного.

–Звучит интересно, но больше там ничего не читай. Во всяком случае, со мной советуйся. Мы не старьёвщики.

–Понял, босс.

–Ладно, продолжай. Я воздухом подышу, а то и правда скверно себя чувствую...

От Фомина не укрылось, что, выходя, Фирс бросил быстрый взгляд на зеркало, и на этот раз на его лице ясно читалось облегчение.

Фирс отправился на промёрзшую лоджию. Постоял, собираясь с мыслями. Снова вызвал Марину. Она взяла трубку мгновенно.

–Коля, я как раз собиралась перезвонить!

Голос у неё был взволнованный.

–Где ты, котёнок?

–В магазине.

–Что, решила вернуть то платье?

–Нет, я в продуктовом. Хочу приготовить на ужин кое-что особенное...

Фирс улыбнулся. Простая девчонка и есть простая девчонка. Как бы ни влекли салоны и клубы, в глубине души она знает, что должна исполнять бабушкин завет хранить очаг и до отвала кормить мужа-добытчика.

Он перебросился с Мариной ещё несколькими словами и дал отбой. На лоджию ввалился Фомин. До чего же он здоровенный...

–Не снеси косяки, мы их ещё не продали, – сказал Фирс.

Фомин усмехнулся.

–Ну что сказать, Николай Иванович, квартира под ключ!

Нигде ни сквознячка, ни подтёков, всё фурычит...

Фирс покивал и вдруг спросил:

–Где это случилось? Ты уточнял?

По лицу Фомина пробежала тень.

–В спальне.

–Покажи, – потребовал Фирс.

Фомин отвёл босса в дальнюю комнату.

–Вот тут стояла кровать. Тот мужичок прилёг на неё, мол, устал. Остальные продолжали пить. Хозяин с виду успокоился, а через четверть часа завернул на кухню, взял нож, подошёл к спящему и – по горлу... Ну, следов, как видите, не осталось.

–Ещё бы, – сказал Фирс. – Остаешься тут хоть подозрение на след, ты бы у меня не работал...

Клиент появился в условленное время. Это был разбитной малый, которому никто не сказал, что в сорок лет одеваться и вести себя так, будто тебе всё ещё семнадцать, несколько нелепо. Торговался, как на базаре, цеплялся ко всему. Умница Фомин, ненавязчиво подавляя своим физическим превосходством, ловко парировал высосанные из пальца претензии. Матчасть он знал, как таблицу умножения. Словно весь ремонт своими руками выполнил.

«На добивании» выступил Фирс. Он хорошо знал, как действует его элегантный вид и мягкий голос. Клиент пообещал

щал подумать, но было видно, что он уже согласился. Завтра ещё до полудня он позвонит, чтобы попытаться выжать хоть какую-то скидку и, в конечном счёте, обсудить способ оплаты.

Однако Фирс ошибся: клиент позвонил в тот же день. Из-за него пришлось задержаться в конторе на полчаса.

А может, и не из-за него... Фирс был несколько рассеян в этот вечер. Он умел контролировать свои эмоции, но нелепое видение, посетившее его сегодня в продаваемой квартире, то и дело вставало перед глазами.

О намерении Марины приготовиться к ужину «что-то особенное» он подзабыл, и был удивлён ароматами, нахлынувшими, едва он переступил порог.

Марина встретила его в том же халатике на голое тело, словно утро и не думало кончаться. Такая же растрёпанная, как после сна, и чертовски обольстительная.

За ужином, ставя на стол перед мужем рулету из индейки, она светилась удовольствием. Фирс давно уже не видел её такой энергичной.

–Что на тебя накатило, котёнок?

–Ничего особенного, просто любовь к тебе.

Прозвучало это хорошо... но как-то непривычно. Фирс наслаждался обществом молодой супруги, но в глубине души чувствовал: что-то не так. Однако многообещающие взгляды Марины, намекавшие «что-то особенное» не только за столом, не располагали к размышлениям.

Позже, когда в интимном полумраке спальни он раздевался перед сном, по неизменной привычке раскладывая вещи в идеальном порядке, Марина без тени своего вечного смущения сбросила халатик и ждала его, лёжа поперёк постели и согнув ногу в колене, чтобы выгоднее подчеркнуть линию бедра. Кладя наручные часы на привычное место, рядом со «Съержем Лютьеном», Фирс окаменел. Только сейчас он осознал, что всё время, пока он стоял перед трельяжем, в отражении присутствовало то, чего быть не могло.

Расчёска посреди туалетного столика... Не чёрная, как в продаваемой квартире.

Совсем другая. Золочёная, под стиль трельяжа. И среди зубцов запутались не чёрные, а рыжие волосы.

–Фирс, ну сколько тебя ждать?

Он медленно поднял взгляд от отражения расчёски, которой не было, к отражению жены...

–Как ты меня назвала?

–Так же, как и всегда... Я хочу сказать – мысленно, – поправилась Марина со странной улыбкой, от которой совсем не было весело.

Он похолодел. Невозможное придавило сердце тяжким грузом.

Расчёска...

(Фирс, мне фиолетово, дешёвка или нет, она мне нравится, и точка!)

Сюрприз...

(Обожжаю твоё напряжённое лицо, когда ты возвращаешься домой! Ничего смешнее на свете нет. Но признай, Фирс, большинство моих сюрпризов тебе нравятся...)

Соблазнительность...

(Фирс, когда женщина ждёт, мужчина бросает всё и спешит к ней. Если сомневаешься – иди сюда, и я сумею доказать, что в твоей жизни нет ничего важнее, чем удовлетворить меня...)

Он стоял, напряжённый, как струна. Она лежала и смотрела на него через отражение, и из её глаз струился душный морок, обволакивавший душу.

Створки трельяжа захлопнулись, словно их рванули навстречу друг другу сильные и безжалостные руки. Фирс вздрогнул, сердце оторвалось и заметалось по телу. Флаконы с «Диором» и «Лютьеном» оказались вдавлены в зеркало. Оно треснуло, осколки со звоном и хрустом посыпались через щель между створками.

И в тот же миг погасли светильники, наступила тьма, лишь тускло светился прямоугольник окна. И во тьме прозвучал уже несомненно знакомый голос:

–Фирс, не заставляй женщину ждать...

612 шагов

Представьте такую ситуацию. Вечер, двое входят в парк. А домой возвращается только один из них.

О чём вы подумали? Вот-вот. Следователь думал о том же

самом. В принципе, при всех странностях произошедшего, он мог думать о чём угодно. Но остановиться – только на одной этой мысли.

К моему счастью, некто Пал Васильич Никандров даже в свои седые годы оставался заядлым курильщиком. А его супруга, Марья Степановна, категорически не выносила табачного дыма. Даже у подъезда ему курить запрещала – чтобы через форточку не натягивало.

Опять же, к моему счастью, Пал Васильич как раз недавно крепко повздорил с другим пенсионером, завсегдаем дворовых лавочек. Не желая даже видеть соседа, Пал Васильич перестал углубляться во двор. Вместо этого он со всеми своими папиросами уходил за угол дома. Там ему открывался вид на неказистую улочку, огибавшую городской парк с тыла, и на кованые ворота парка.

Он-то, Пал Васильич, и стал моим спасением. Все остальные странности, я думаю, следователь сумел бы повернуть против меня. Но старый курильщик стоял на своём: из парка вышли двое, и тот, что поменьше ростом, был цел и невредим. Он вернулся в парк один. Второй, повыше, то есть я, долго смотрел ему вслед, о чём-то волновался, но в ворота не входил. Ждал, ждал, потом сделал звонок по сотовому телефону... А потом повернулся и ушёл.

Лицо у него, то есть у меня, было бледное.

Распечатка телефонных звонков подтвердила, что я действительно связался с Лёхой в 20 часов 18 минут. Разговор

длился меньше минуты. Запись разговора – а Лёха, как выяснилось, всегда записывал свои разговоры – не дала усомниться, что ответил мне именно он.

Поэтому я остался на свободе. Спасибо Пал Васильичу и Лёхиной причуде. Следователю пришлось поверить мне.

Хотя в одном он был прав – я действительно рассказал не всё...

Телефонный звонок оторвал меня от ужина.

–Привет, это я!

–И это тоже я. Как удачно встретились два «эго», – проворчал я в трубку. – У твоего «эго» имя есть?

–Да брось, узнал же! – возмутился Лёха.

Конечно, узнал, ещё по звонку. Не потому, что у меня на нём отдельная мелодия стоит. Просто никто, кроме Лёхи Коркина, не умеет так точно выбирать для звонка момент, когда я голоден и уже взялся за ложку. Или, скажем, когда мне позарез нужно в туалет.

–Ну, что у тебя ещё стряслось? – спросил я.

–Да вот, знаешь, такая закавыка... По телефону не объяснить. Давай встретимся...

Сначала я, как обычно, отправил его подальше, но он был настойчив, и я пообещал выйти.

Наташка моя покачала головой и наказала:

–Ничего, кроме пива, не пейте.

–Да у меня и в мыслях нет!

–Какая разница, что у тебя в мыслях? Главное – какая муха твоего Лёху сегодня укусила.

Тут Наташка на все сто права. Лёха – человек непредсказуемый. В пределах одного дня он ещё способен держать выбранный курс, но ты никогда не знаешь, с чем он зайвится в следующий раз.

Он может просто так слать по мессенджеру анекдоты и смс-ски со смайликами, но забудет поздравить с Днём рождения. Может пропасть на полгода и вдруг позвонить, как ни в чём не бывало, и вытащить тебя на рыбалку – при том, что ты в последний раз рыбачил классе этак в шестом. Однако ему присущ некоторый дар убеждения. И ты, к слову, отлично проводишь время на берегу и даже немного грустишь, зная, что больше рыбачить, по крайней мере, с Лёхой не будешь.

Вот единственное, что про Лёху можно сказать наверняка: он никогда не повторяется.

И точно: в следующий раз он зовёт тебя помочь дотолкать купленный с рук разболтанный мотоцикл. Ты тратишь вечер, убеждая его, что починить эту рухлядь невозможно, в итоге всё-таки заражаешься его энтузиазмом, обещаешь помочь, но к следующим выходным отчаявшийся Лёха мотоцикл уже продаёт, зато знакомится с новой девушкой, а она стесняется, поэтому нужна компания, и он чуть не на коленях умоляет защитить хрупкий росток его будущего счастья. И уговаривает – не столько тебя, сколько твою жену, она бросает

стирку, надевает платье, вы проводите вечер в кафе, а ночь можете встретить, например, на концерте местной рок-группы, которую терпеть не можете ни вы с женой, ни, как выясняется, новая Лёхина пассия...

Встретились, как было условлено, «на углу». Для всех ребят из нашего класса «угол» в городе только один – это угол школы, на котором мы встречались по утрам. От моего дома – десять минут ходьбы.

Лёха быстро потрянул мою руку.

–Привет. У тебя на смартфоне шагомер есть?

–Ёшкин кот, ты меня ради шагомера, что ли, звал?

–В общем, да, – кивнул он, словно говоря о чём-то само собой разумеющемся. – Идём. Тут недалеко. Так что насчёт шагомера?

Всё-таки несносный он человек. Я встал, скрестив руки на груди.

–Идём, идём! – поторопил он в ответ на мой суровый взгляд. – Как раз по дороге расскажу, в чём дело. Слушай, мне всё равно больше не с кем поделиться...

Я вздохнул и пошёл за ним, на ходу закачивая на смартфон программу шагомера.

–Ну, давай, колись! Что у тебя на уме?

Лёха начал издали.

–Помнишь, у меня в детстве привычка была – шаги считать?

–Конечно! Из-за тебя я до сих пор помню, что от лестницы до учительской было двадцать четыре обычных и пол муравьиного...

–Пятый класс, – кивнул Лёха. – В шестом это были уже двадцать два шага. А в выпускном знаешь, сколько?

–И знать не хочу, – заверил я, но всё же спросил: – Сколько? Двадцать?

–Восемнадцать! И один муравьиный... Так вот, привычка никуда не делась.

–Я уже понял, – кивнул я. Программа закачалась, началась установка.

Лёха потёр подбородок и пояснил:

–Мне это нравилось, знаешь, успокаивало как-то ... Ну, не в том дело. Я стал замечать, что иногда сбиваюсь со счёта. Понимаешь?

Я кивнул, но Лёха возразил:

–Да нет, где тебе понять? Это ты бы сбился, любой бы сбился – и не удивился. Мудрено ли, если счёт уже на сотни? Но у меня-то – привычка! Знаешь, сейчас я признаюсь тебе кое в чём... Этого никто и никогда ещё от меня не слышал, так что, пожалуйста, отнесись серьёзно. В общем, одно время это стало большой проблемой. Я просто дураком становился, ни о чём думать не мог, только считал всё подряд. Но я с этим справился. Знаешь, как? Загнал этот счёт в подвал сознания. Ну, как бы научился думать сразу на двух уровнях. Понимаешь? Хотя...

– Где мне понять? – уточнил я.

– Именно. Где тебе понять. Но ты просто поверь, что это так.

За школой мы вышли на неказистую улочку с разбитым асфальтом и бурьяном на газонах. Пятиэтажки здесь чередовались с цепочками частных домов.

– Я и сейчас могу тебе сказать, что мы прошли вместе сто сорок шагов, – продолжал он. – В школьном заборе второй год новая дыра – не хватает семнадцатого прута от угла. На газоне перед школой – девять берёз и два клёна. Я всё это заметил, не прекращая разговора с тобой.

– Разыгрываешь! – возмутился я. – Загодя готовился? Ну-ка, сколько досок вон в том заборе? Только не оглядывайся!

– В белом? – уточнил Лёха. – Тридцать одна. Вернись, пересчитай.

Я так и сделал – вернулся, пересчитал. Сбился. Снова пересчитал. Там действительно была тридцать одна доска. Я поглядел на Лёху с подозрением. Тот развёл руками:

– Выбирай сам, на чём меня протестировать. Только не прости сосчитать листья на деревьях. Их не видно всех сразу. Ну же, спрашивай!

Я огляделся. В этот миг над одним из частных домов поднялась стая голубей.

– Сколько птиц? – быстро спросил я.

Лёха повернул голову. Он смотрел на голубей не больше секунды, потом отвернулся и сказал с улыбкой:

–Тринадцать.

Стая взмыла в небо, описала круг, потом стала снижаться по пологой дуге. Я лихорадочно считал пернатых. Оказывается, сделать это практически невозможно! Всё время кажется, что они меняются местами. Тем не менее, я вскоре убедился, что первое впечатление меня обмануло: на беглый взгляд казалось, что птиц не меньше двух десятков. А прежде, чем голуби, резко повернув и пролетев у нас над головами, скрылись за деревьями городского парка, я в своих подсчётах, по крайней мере, приблизился к Лёхиному результату. Да, около дюжины. Ну, там, плюс-минус...

–Говорю же, сознательно этого не сделать, – сказал Лёха. – Просто какая-то часть моих мозгов выделена для постоянного выполнения таких операций. Я часто сам не знаю, что именно подсчитываю. Просто иногда задумываюсь над чем-то – а из выделенной части приходят цифры... и даже образы. К примеру, оказывается, я чётко помню, сколько людей прошло мимо меня, как они выглядели. Сколько выбоин на асфальте я перешагнул... А иногда эти цифры и образы вываливаются сами собой. Думаю о другом, а мне как снег на голову: с утра сделано двести вдохов и выдохов, в доме напротив – шестьдесят четыре окна. Так что, если хочешь снова попрекнуть меня тем, что я забыл поздравить тебя с Днём рождения, пойми: я постоянно живу в мутном потоке совершенно не нужной мне информации... Ну ладно, что мы стоим? Пошли. Шагомер закачал? Проверь, как работает. Про-

верь, это важно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.